

DOI 10.35775/PSI.2025.129.12.030

УДК 327.7

Ч.А. МИСБАХОВА

доктор, экономические науки, доцент,
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Россия, Республика Татарстан, г. Казань

А.А.О. АЛЬ ЗИДЕЙН

аспирант факультета международных отношений,
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Россия, Республика Татарстан, г. Казань

ИОРДАНИЯ И КРИЗИС БЕЖЕНЦЕВ: МЕЖДУ ГУМАНИТАРНОЙ СОЛИДАРНОСТЬЮ И ДАВЛЕНИЕМ РЕАЛЬНОСТИ

Данная статья представляет собой развернутый комплексный анализ многогранной проблемы беженцев в Иордании, где на протяжении десятилетий сохраняется глубокое противоречие между высокими гуманитарными принципами и сложными практическими реалиями повседневного управления миграционными потоками. Исследование фокусируется на трех основных группах беженцев: палестинцах (крупнейшая и наиболее давняя община), иракцах (волны миграции 1990-2000-х годов) и сирийцах (масштабный кризис с 2011 года). Несмотря на скромные демографические показатели (население менее 10 млн человек), Иордания несет беспрецедентную гуманитарную нагрузку, занимая второе место в мире по соотношению числа беженцев к численности коренного населения (данные УВКБ ООН). Исторический анализ охватывает эволюцию вопроса от палестинского исхода 1948 года через последовательные волны иракских беженцев до текущего сирийского кризиса, что сформировало уникальную модель взаимодействия государства с разными поколениями беженцев. В работе детально рассматривается дифференцированное воздействие каждой из этих групп на экономику (особенно водный и энергетический сектора), социальную сферу (урбанизация беженцев, трансформация лагеря Заатари в постоянное поселение для сирийцев) и безопасность. Особую ценность исследованию придает сравнительный анализ моделей адаптации трех групп беженцев, их экономических стратегий выживания и долгосрочного влияния на социальную ткань иорданского общества. В заключительной части предложен набор дифференцированных рекомендаций по совершенствованию управления беженческими потоками, учитывающих специфику каждой группы, а также необходимость тонкого баланса между международными гуманитарными обязательствами и защитой национальных интересов коренного населения.

Ключевые слова: беженцы, Иордания, гуманитарный кризис, миграция, Сирия, Палестина, Ирак, УВКБ ООН, БАПОР, интеграция.

Введение. В статье рассматриваются ключевые проблемы, с которыми сталкивается Иордания при управлении многочисленными волнами беженцев – от палестинского исхода середины XX века, через иракские миграции, до продолжающегося сирийского кризиса – что ставит страну перед сложной задачей балансирования между гуманитарной солидарностью и социально-экономическим давлением; несмотря на население менее десяти миллионов человек, Иордания занимает одно из ведущих мест в мире по числу принимаемых беженцев относительно коренного населения, а последствия этих кризисов затрагивают водные и энергетические ресурсы, демографическую структуру и социальные трансформации, включая превращение лагерей для беженцев в постоянные поселения.

Согласно данным Агентства ООН для помощи и организации работ для палестинских беженцев (БАПОР), в Иордании проживает 2,4 миллиона палестинских беженцев, около 18% из которых находятся в лагерях [9]. В то же время Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ) сообщает о 752 988 зарегистрированных беженцах, из которых 664 086 – сирийцы, тогда как иорданское правительство указывает на 1,3 миллиона сирийских беженцев на своей территории, при этом около половины из них не зарегистрированы официально в УВКБ. Кроме того, Иордания принимает 66 771 иракского беженца, 13 919 йеменских, 6 027 суданских, 719 сомалийских и 1 466 беженцев других национальностей [11].

История приема Иорданией беженцев восходит к 1925 году, когда страна приняла ливийских беженцев из-за итальянской оккупации, а после войны 1948 года Иордания приняла около 750 тысяч палестинцев, став государством с наибольшим числом палестинских беженцев; после войны 1967 года, приведшей к оккупации Израилем Западного берега, Восточного Иерусалима, сектора Газа, Голанских высот и Синая, страна столкнулась с новой волной беженцев численностью примерно 250 тысяч человек, около половины которых составляли палестинцы, вынужденные покинуть свои лагеря во второй раз менее чем за два десятилетия [3].

Лагерь палестинских беженцев [15]. В Иордании расположены тринадцать официальных лагерей палестинских беженцев, распределенных по шести основным провинциям: в провинции Эль-Балка находится лагерь Эль-Бака; в провинциях столицы и Мадаба – лагеря Аль-Вахдат, Аль-Хусейн, Принца Хасана, Ат-Талибия и Мадаба; в провинции Эз-Зарка – лагерь Эз-Зарка (Хаттин) и Ас-Сахна; в провинции Ирбид – лагеря Ирбид и Шахида Азми аль-Муфти; в провинции Джараш – лагеря Джараш и Суф, при этом БАПОР (Агентство ООН для помощи палестинским беженцам и организации работ) оказывает свои услуги в некоторых из этих лагерей, таких как Принца Хасана, Мадаба и Ас-Сахна [5].

Рафик Харфан, генеральный директор Департамента по палестинским делам, подтвердил, что Иордания несет значительные финансовые расходы по предоставлению услуг палестинским беженцам. Стоимость этих прямых

и косвенных услуг составляет около миллиарда динаров в год. Следует отметить, что эта сумма значительно превышает расходы БАПОР во всех пяти регионах ее операций.

Согласно официальным данным, годовой бюджет БАПОР в Иордании не превышает 150 миллионов долларов, из которых около 145 миллионов долларов выделяется на операционные программы, включающие содержание 7000 сотрудников. Агентство управляет 161 школой, в которых обучаются более 107 тысяч учеников, а также 25 медицинскими центрами, ежегодно предоставляющими более 1,6 миллиона медицинских консультаций.

В феврале 2023 года ООН предупредила о серьезных рисках для услуг палестинским беженцам в Иордании из-за финансового кризиса, с которым столкнулось БАПОР. Этот кризис усугубился после решения 16 стран-доноров заморозить свои финансовые взносы на сумму 450 миллионов долларов на фоне недоказанных израильских обвинений [6].

БАПОР, основанное в 1949 году, предоставляет жизненно важные услуги в сфере образования, здравоохранения и гуманитарной помощи миллионам палестинских беженцев в Иордании, Сирии, Ливане, на Западном берегу и в секторе Газа, оказывая денежную помощь около 59 тысячам наиболее уязвимых лиц, а также двум тысячам палестинских беженцев, бежавших из Сирии; в секторе Газа агентство сталкивается с исключительными трудностями, предоставляя убежище около миллиону переселенных лиц из-за последней войны, что увеличивает давление на и без того ограниченные финансовые ресурсы, подчеркивая острую необходимость устойчивого финансирования услуг для беженцев, особенно учитывая значительное бремя, которое несет Иордания как принимающая страна, которая была и остается единственной арабской страной, предоставившей палестинским беженцам на своей территории иорданское гражданство, что позволило им полностью интегрироваться в общество и участвовать в экономической и социальной жизни, не отказываясь от своей национальной идентичности.

В 1990 году после вторжения в Кувейт Иордания приняла беженцев из Ирака и Кувейта, создав лагерь близ Аз-Зарки для размещения рабочих из Индии и Пакистана, среди которых в начале находилось около 13 тысяч человек. 24 января 1991 года страна подписала меморандум с УВКБ ООН, подтвердив статус временной принимающей страны, а к августу 1995 года число иракских беженцев достигло примерно 30 тысяч, с правовой основой, укрепленной новым меморандумом 4 мая 1998 года, который обеспечивал защиту их прав согласно Конвенции 1951 года. К 2002 году количество иракских беженцев оценивалось в 250-300 тысяч, а после вторжения США в Ирак в 2003 году возник новый поток; был создан лагерь Аль-Рувейшид, к марту 2004 года зарегистрировано около 20 тысяч беженцев в УВКБ, при фактическом числе более четверти миллиона, с ростом численности в 2007 году и запуском программы денежной помощи УВКБ [8].

Последней и новейшей волной стало начало потока сирийских беженцев через границу Иордании с Сирией 15 марта 2011 года, что совпало с эскалацией протестов и беспорядков в провинции Дарья на юге Сирии. Уже в первые месяцы этого кризиса наблюдалось расхождение между официальными и неофициальными цифрами беженцев: по данным УВКБ ООН, к концу 2011 года было зарегистрировано 1842 сирийских беженца, тогда как реальные оценки числа прибывших были значительно выше.

Первый этап кризиса характеризовался теплым приемом со стороны иорданского общества. Согласно отчетам УВКБ, около 337 сирийских семей проживали с иорданскими принимающими семьями в городах Эль-Мафрак и Эр-Рамта в 2011 году. Однако по мере обострения кризиса в Сирии в период с января 2013 года до конца того же года произошел резкий скачок числа беженцев: официальное число зарегистрированных выросло с 30 тысяч до 206 630, тогда как иорданское правительство оценивало реальное количество превышающим 300 тысяч беженцев.

К концу 2013 года число сирийских беженцев, зарегистрированных УВКБ в Иордании, достигло около 675 тысяч, что создало серьезные проблемы для сферы услуг, особенно образования. 80 иорданских школ были вынуждены перейти на двухсменную систему, чтобы принять сирийских учеников: в государственных школах обучались 85 тысяч сирийских детей, плюс 21 тысяча в лагерных школах, по сравнению с 1,3 миллиона иорданских учеников на тот момент [1. С. 172-181].

Лагерь сирийских беженцев [13]. Иордания принимает тысячи сирийских беженцев главным образом в лагерях Заатари и Азрак, где проживает около 80 и 38 тысяч человек соответственно, при этом лишь 18% всех сирийских беженцев находятся в лагерях, а остальные расселены по городам и деревням, что отражает политику интеграции страны [14]. Лагерь Заатари, созданный в 2012 году как временный палаточный комплекс, за десятилетие превратился в полупостоянное поселение, что ставит вопросы о долгосрочной природе лагерей и их социально-экономических последствиях; изначально УВКБ ООН обеспечивала защиту палатками, а с 2013 года заменила их сборными модулями на 6-8 лет, большинство которых со временем пришли в негодность, более 70% имея проблемы со стенами, полами и крышами.

В лагере родилось более 20 тысяч детей с момента его основания, со средним показателем 40 новорожденных в неделю, что объясняет, почему дети составляют половину населения лагеря сегодня. Многие из них выросли в пределах лагеря, не зная мира за его пределами. Иорданское правительство в сотрудничестве с международными организациями предоставляет этим детям образовательные и медицинские услуги непосредственно в лагере.

Медицинские услуги в лагере предоставляются через восемь медицинских учреждений, которые ежемесячно проводят до 25 тысяч консультаций, в то время как тяжелые случаи направляются в ближайшие иорданские больницы. В лагере работают более 30 гуманитарных организаций, в которых заняты 1200 человек,

оказывающих разнообразные услуги – от здравоохранения до защиты и жилья. Такой масштаб операций требует четкой координации между иорданским правительством и международными организациями.

Управление лагеря сталкивается с серьезными трудностями в обеспечении базовых ресурсов: 30% семей испытывают нехватку водоснабжения, несмотря на подключение всех единиц жилья к водопроводной сети. Эта проблема является частью более широкого водного кризиса в Иордании, который ставит страну в число самых засушливых в мире.

Солнечная электростанция в лагере Заатари, открытая в 2017 году, обеспечивала электричество 12 часов в сутки, улучшая работу рынков и ночную безопасность, однако из-за растущего спроса часы подачи сократились до девяти. Экономически лишь 4% трудоспособных беженцев имеют официальные разрешения на работу, большинство занято неформально и две трети семей имеют денежные долги; УВКБ ООН заменила часть денежной помощи мобильными переводами, которыми пользуются 95% семей. Несмотря на улучшение материальных условий, сильна тоска по родине, а общинные связи и традиции помогают сохранять сирийскую идентичность. Лагерь Заатари демонстрирует трансформацию временных лагерей в полупостоянные поселения и подчеркивает трудности интеграции беженцев и балансирования гуманитарной помощи с устойчивыми решениями.

Иорданская экономика претерпела значительные изменения во втором десятилетии XXI века, столкнувшись с огромным давлением из-за региональных потрясений, начавшихся в 2011 году, среди которых сирийская война стала наиболее значимым событием. После достижения высоких темпов роста ВВП на уровне 6.5% в год в период 2000-2009 гг., этот показатель начал снижаться до 2.5% в 2010-2016 гг., а затем упал до всего 2% в 2017 году, что отражает заметное замедление экономической динамики.

Приток сирийских беженцев, численность которых превысила 1.3 миллиона человек к 2020 году, значительно усугубил эти трудности. С одной стороны, наплыв сирийской рабочей силы увеличил предложение на рынке труда, особенно в неформальном секторе, что привело к существенным потерям рабочих мест для иорданцев и снижению заработной платы местной рабочей силы. Уровень бедности среди наиболее уязвимых групп населения возрос, поскольку беженцы конкурировали с местной рабочей силой за низкооплачиваемые работы, расширяя масштабы бедности и увеличивая уровень безработицы среди иорданской молодежи.

Воздействие не ограничилось рынком труда, а распространилось на другие ключевые сектора. Например, туристический сектор, являющийся одним из основных источников национального дохода, пережил резкий спад в 2011-2014 гг. из-за ухудшения региональной безопасности, а затем столкнулся с дальнейшим ухудшением в 2015-2018 гг. из-за закрытия границ с Сирией и Ираком, что привело к сокращению числа туристов и снижению туристических доходов.

Пять ключевых секторов ВВП Иордании – государственные услуги, финансовый сектор, промышленность, транспорт и туризм – пострадали от сирийского кризиса: транспорт столкнулся с логистическими проблемами из-за закрытия маршрутов через Сирию, туризм снизился, нагрузка на госуслуги возросла, финансовый сектор испытывал давление от расходов на социальные услуги, а промышленность столкнулась с трудностями экспорта. Принятие около 1,3 млн сирийских беженцев обошлось Иордании в более чем 10,3 млрд долларов США по прямым расходам, а косвенные затраты по оценкам ПРООН составляют 3,1–3,5 млрд долларов в год, что за десять лет достигает 31–35 млрд долларов, подчеркивая масштабное влияние кризиса на экономику и социальные службы страны [10].

Несмотря на международную помощь, основное бремя сирийского кризиса лежит на Иордании: в 2020 году международные доноры покрыли лишь 35% затрат, а Королевство – 65%. План реагирования на 2020–2022 годы оценивался в 6,6 млрд долларов, при этом международная поддержка составила лишь 2,1 млрд долларов. Усиление проблем связано с одновременными внешними экономическими потрясениями, что потребовало экстраординарных мер правительства для сохранения макроэкономической стабильности и защиты бюджета [7].

Несмотря на эти трудности, Иордания продолжила оказывать поддержку беженцам, что увеличило ее финансовую нагрузку в условиях ограниченности ресурсов. Однако этот кризис также выявил необходимость структурных реформ в иорданской экономике для повышения ее устойчивости и снижения зависимости от внешних факторов, при обеспечении продолжения международной поддержки для покрытия экономических и социальных издержек, связанных с приемом беженцев.

Иорданские силовые структуры сталкиваются со сложными дилеммами в управлении вопросами беженцев, где возникают серьезные опасения по поводу превращения некоторых населенных пунктов в очаги экстремизма или организованной преступности. Эти проблемы возникают из-за сложного взаимодействия демографических, экономических и социальных факторов при необходимости сохранения баланса между требованиями национальной безопасности и гуманитарными обязательствами.

Анализы указывают, что внезапный демографический рост, вызванный волнами беженцев и миграции, включая приток иностранной рабочей силы, способствовал изменению преступных тенденций в иорданском обществе. Это влияние проявляется в двух аспектах: косвенно – через усугубление безработицы и бедности среди иорданских граждан, и напрямую – через некоторые преступные действия, совершаемые самими беженцами из-за трудностей адаптации и психологических травм [10].

Исследования показывают, что культурный шок, вызванный резким переходом между двумя разными средами, является ключевым фактором в этом уравнении. Когда человек переходит из привычной культурной среды в новую,

чуждую обстановку, он сталкивается с трудностями адаптации, которые могут подтолкнуть его к девиантному поведению, даже если в своей стране он был законопослушным. Эта ситуация создает резкие изменения в социальных отношениях и негативно сказывается на психическом здоровье беженцев, что может толкнуть некоторых из них на преступный путь, несмотря на отсутствие криминального прошлого [4].

Например, статистика выявляет тревожные показатели: 86% сирийских беженцев в Иордании живут за чертой бедности, а 80% из них прибегают к таким негативным стратегиям выживания, как попрошайничество и ранние браки. Отчеты Высшего совета по народонаселению предупреждают, что эти условия приводят к распространению новых видов преступлений, включая наркопреступность и преступления с политической подоплекой.

Данные органов безопасности указывают, что в 2013 году иорданцы совершили 4354 преступления, что составило 13% от общего числа преступлений в Королевстве. Кроме того, первый год сирийского кризиса (2011) показал рост таких имущественных преступлений, как мошенничество и кражи, на 45% по сравнению с предыдущим годом, что объясняется острой материальной нуждой и ослаблением социальных норм среди некоторых беженцев.

В этом контексте силовые структуры сталкиваются с трехмерной проблемой:

- 1) предотвращение превращения районов с высокой концентрацией беженцев в очаги организованной преступности;
- 2) противодействие рискам экстремизма, который может возникнуть из-за эксплуатации тяжелого положения беженцев некоторыми группами;
- 3) сохранение хрупкого баланса между требованиями национальной безопасности и международными гуманитарными обязательствами.

Эти вызовы требуют комплексного подхода, включающего улучшение условий жизни беженцев, усиление программ социальной интеграции и внедрение превентивных стратегий мониторинга при соблюдении базовых прав человека. Неудача в любом из этих аспектов может привести к одновременному усугублению кризисов в сфере безопасности и социальной сфере.

Заключение. В заключение данного исследования можно сказать, что управление проблемой беженцев в Иордании представляет сложные вызовы, требующие комплексного подхода, учитывающего гуманитарные, экономические аспекты и аспекты безопасности. Анализ реальной ситуации показывает, что Иордания сталкивается с беспрецедентным бременем из-за приема большого числа беженцев, что требует разработки более эффективной и устойчивой политики.

Исследование рекомендует необходимость перехода от краткосрочной гуманитарной помощи к долгосрочным стратегиям развития с акцентом на усиление интеграции между гуманитарной помощью и программами развития. При этом следует вовлекать местные сообщества в распределение помощи и укреплять потенциал местных органов власти в предоставлении услуг как гражданам,

так и беженцам. Также подчеркивается важность выполнения международным сообществом своих обязательств путем предоставления устойчивой финансовой поддержки и реальных инвестиций, способствующих снижению нагрузки на иорданскую экономику.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Абдулла А.А.А.М.** Влияние сирийских беженцев на экономику Иордании // Вестник ТИСБИ. 2019. № 10.
2. **Демченко А.В.** Палестинская проблема в политике Иордании, 1947-1967. М.: Изд-во КРАСАНД, 2009.
3. **Кондраль А.А.** Палестинские беженцы в Иордании: статус и идентичность // Журнал международного права и международных отношений. 2020. № 3-4.
4. Психическое здоровье и вынужденное перемещение населения // Всемирная организация здравоохранения // <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/mental-health-and-forced-displacement>.
5. Where We Work // UNRWA // <https://www.unrwa.org/where-we-work/jordan>.
6. <https://www.almamlakatv.com/news/137275>.
7. <https://www.addustour.com/articles/1468802>.
8. <https://www.unrwa.org/ar/activity/%D8%A7>.
9. <https://www.almamlakatv.com/news/119549>.
10. <https://www.unhcr.org/ar/62e3bf944>.
11. <https://www.dpa.gov.jo/Ar/List/>.

CH.A. MISBAKHOVA

Doctor of Economics, Associate Professor
Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia

AL ZEEDYEIN AREEN AHMAD ODEH

PhD Student, Faculty of International Relations
Kazan (Volga Region) Federal University,
Kazan, Russia

JORDAN AND THE REFUGEE CRISIS: BETWEEN HUMANITARIAN SOLIDARITY AND THE PRESSURE OF REALITY

This article presents a comprehensive analysis of the multifaceted refugee problem in Jordan, where a profound contradiction has persisted for decades between high humanitarian principles and the complex practical realities of daily migration management. The study focuses on three main refugee groups: Palestinians (the largest and longest-standing community), Iraqis (migration waves of the 1990s-2000s), and Syrians (the large-scale crisis since 2011). Despite modest demographic indicators (a population of less than 10 million), Jordan bears an unprecedented humanitarian burden, ranking second in the world in the ratio of refugees to the native population (UNHCR data). The historical analysis covers the evolution of the issue from the Palestinian exodus of 1948 through successive waves of Iraqi refugees to the ongoing Syrian crisis, which has shaped a unique model of state interaction with different generations of refugees. The work examines in detail the differential impact of each of these groups on the economy (particularly the water and energy sectors), the social sphere (urbanization of refugees, the transformation of the Zaatari camp into a permanent settlement for Syrians), and security. The study is particularly valuable for its comparative analysis of the adaptation models of the three refugee groups, their economic survival strategies, and their long-term influence on the social fabric of Jordanian society. The concluding section offers a set of differentiated recommendations for improving refugee flow management, considering the specifics of each group, as well as the need for a delicate balance between international humanitarian obligations and the protection of the national interests of the native population.

Key words: refugees, Jordan, humanitarian crisis, migration, Syria, Palestine, Iraq, UNHCR, UNRWA, integration.